

лений он даст и такое, прямо, по-видимому, заимствованное из «Гieronа»: почести раз - давать тиран должен сам, а палатать кары лучше поручать другим (ср. Hier. 9,3 и Aristot., Pol., V, 9, 16, 1315a, 6—8)⁵¹.

Э. Д. Фролов

XENOPHON AND THE LATER TYRANNY

by E. D. Frolov

A characteristic manifestation of the breakdown of the polis in the ideological sphere was the bankruptcy of traditional political doctrines, democratic and oligarchical alike, and the gradual maturing of monarchical ideas. The process was aided in some degree by the reappearance of tyranny in many parts of the Greek world. In so far as this later, or «younger» tyranny actually embodied the strong authority of which ideologists from the well-to-do classes dreamed, discussion of ways in which such a regime might be made to serve the interests of the polis elite became an important theme in the political literature of the fourth century (Xenophon, Isocrates, Plato, Aristotle). Among those who wrote on this subject Xenophon has a special place. For a true estimate of this writer formal comparison of his work with that of Thucydides and Plato is not enough. Xenophon was first and foremost a political publicist, and his political inquiries deserve the closest attention as reflecting the debate then current on the destinies of the Greek polis. Two of Xenophon's writings are specially devoted to the theme of monarchy: the «Cyropaedia», his principal political opus, and the «Hieron». The latter has been, and still is, the subject of much debate — on the dating problem, the circumstances which brought Xenophon to take up the subject of tyranny, and the question as to how seriously he took it up in this treatise. Careful study of the «Hieron» has convinced the author that in it, as in the treatise on «Ways and Means», Xenophon develops a quite definite political idea: the possibility of transforming («reforming») tyranny into an ideal monarchy. The internal consistency, logic and profound social content of the programme outlined in the «Hieron» show that Xenophon addressed himself very seriously indeed to his subject in this remarkable treatise.

⁵¹ Возможность такого заимствования определенно признают: W. L. Newman в его издании Аристотеля «The Politics of Aristotle», vol. IV, Oxf., 1902, стр. 472; Hatzfeld, ук. соч., стр. 65; Lucioni, Les idées politiques et sociales de Xénophon, стр. 268; не отрицает ее и J. Endt, Die Quellen des Aristoteles in der Beschreibung des Tyrannen, «Wiener Studien», XXIV, 1902, стр. 32 слл.

СВИДЕТЕЛЬСТВО СТРАБОНА О СКИФСКОМ ЦАРЕ АТЕЕ*

В седьмой книге, в значительной своей части посвященной Северному Причерноморью, в главе третьей, § 18 Страбон пишет: «Атей, воевавший с Филиппом, сыном Аминты, как кажется, господствовал над большинством здешних варваров» — Ἀτέας ἦν δοκεῖ τῶν πλείστον ἄρχει τῶν παύτῃ βαρβάρων ὁ πρὸς Φίλιππον πολεμήσας τὸν Ἀρβύτου. Приведенное свидетельство Страбона в своем роде единственное: единственное в том смысле, что все другие античные авторы, упоминающие имя скифского царя Атея — Помпей Трог в передаче Юстина, Павел Оросий, Полиэн и Фронтин¹ — прочно связывают его не с Северным Причерноморьем, а с Западным — с районом современ-

* Доклад на заседании Ленинградского отделения Института истории АН СССР, посвященном столетию со дня рождения акад. С. А. Жебелева, 19 декабря 1967 г.

¹ Плутарх и Клемент Александрийский тут не в счет, потому что они приводят только несколько эффектных сентенций, вкладываемых ими в уста Атея.

ной Добруджи. Кому отдать предпочтение: Страбону ли или свидетельствам всех других авторов? Иными словами, был ли Атей только предводителем скифского племени или группы племен в области Нижнего Дуная, вождем скифской орды, вторгнувшейся в Добруджу и разбитой наголову Филиппом Македонским в одном-единственном сражении, или он был главой обширной скифской державы, простиравшейся от Азовского моря до Дуная, создателем первого скифского государства?

Именно так ставится теперь этот вопрос в посвященной ему современной литературе². Вопрос большого принципиального значения, поскольку то или иное его решение в значительной мере предопределяет не только наши представления о социальном строе скифов в IV в. до н. э., но и оценку исторической обстановки, сложившейся в это время в Северном Причерноморье в целом. Четвертый век и в истории прибрежных городов — Ольвии и Херсонеса — и в истории Боспорского царства по многим признакам был веком наивысшего подъема, но в то же время и преддверием начавшегося вскоре упадка, нарастающих осложнений во взаимоотношениях с местными племенами, социальных и военных потрясений, под знаком которых протекает вся последующая их историческая жизнь вплоть до конца античной эпохи. В поисках объяснения этого важнейшего перелома в исторических судьбах всего античного Причерноморья такой значительнейший факт, как появление в непосредственном соседстве с Боспором и прибрежными полисами большого объединения воинственных племен под властью Атея, конечно, не может быть сброшен со счета.

Итак, существовало ли такое государство? Дошли ли северочерноморские племена в своем историческом развитии до такого уровня, когда они оказались в состоянии преодолеть характерную для еще не изжившего себя родового строя раздробленность и образовать объединение уже государственного типа?

Исчерпывающий ответ на этот вопрос могли бы дать только прямые, ясные, не допускающие разных толкований свидетельства античных авторов. И вот как раз тут мы встречаемся с очень серьезной контроверзой в их показаниях. Вряд ли ее можно преодолеть обычным путем, во многих случаях дающим эффективные результаты: путем сопоставления данных античной литературной традиции с данными исторических источников других видов. Надписи тут молчат: ни в одном из дошедших до нашего времени эпиграфических текстов не содержится никаких, хотя бы косвенных, сведений об Атее и его царстве.

Не приходится возлагать особых надежд и на материал археологических исследований местных поселений и курганов. Видимо, не случайно в современных работах, затрагивающих эту тему, вне зависимости от взглядов их авторов на Атея, археологическая аргументация не играет сколько-нибудь заметной роли³. Познавательные возможности любой отрасли научного знания не могут не быть ограниченными характером того материала, с которым ей приходится иметь дело. Используя археологический материал для выяснения интересующего нас сейчас вопроса, можно уяснить особенности и уровень материальной, а отчасти и духовной жизни скифских племен, т. е. в лучшем случае выяснить лишь общие предпосылки, ведущие к образованию

² См. Д. Б. Шелов, Царь Атей, сб. «Нумизматика и сфрагистика», II, Киев, 1965, стр. 16 сл.; Р. A l e x a n d r e s c u, Ataias, «Studii clasice», 1967, IX, стр. 85 сл., где и литература вопроса; Д. П. Каллистов, Рабство в Сев. Причерноморье, сб. «Рабство на периферии античного мира», Л., 1968, стр. 193 сл.

³ См. указанные работы Д. Б. Шелова и П. Александреску, подводящие своего рода итоги предшествующим исследованиям. Не представляют в этом отношении особого исключения и работы Б. Н. Гракова «Скифский Геракл» (РСИИМК, 1950, XXXIV, стр. 3 сл.) и «Каменское городище на Днепре» (МИА, 36, 1954), поскольку существование во второй половине IV в. большой северочерноморской державы под главенством Атея в них не доказывается на основании археологического материала, а постулируется. Сторонники этой концепции обычно вспоминают об археологической аргументации лишь в пылу полемики, когда всем, не согласным с их главными положениями, с автоматической безотказностью предъявляется обвинение в «совершенном игнорировании археологического материала» без всяких пояснений, что именно в данной конкретной связи под этим «игнорированием» следует иметь в виду. См. Шелов, Царь Атей, стр. 20.

объединений государственного характера, установить лишь возможность таких объединений, но не сам факт их появления, не тем более структурные их особенности и территориальную протяженность. Однако между возможностью появления государственных объединений и реальным историческим фактом их образования дистанция огромного размера.

Нумизматический материал дает несколько больше, поскольку в настоящее время известно пять серебряных монет, на которых можно прочесть имя Атея в различных транскрипциях⁴. Три из них, опубликованные А. Рогальским в Болгарии⁵, по совершенно единодушному мнению всех нумизматов⁶, безусловно чеканились в Каллатии, так как на реверсах этих монет можно прочесть название этого города в обычном сокращении — КАА. На двух других монетах никаких указаний на место их выпуска не содержится и происхождение их неизвестно. Одна из них, теперь хранящаяся в Государственном Историческом музее, попала туда из нумизматического собрания одного уже давно умершего московского коллекционера, другая поступила в Эрмитаж в 1950 г. в составе большой партии монет из нескольких коллекций⁷. В. А. Анохин, основываясь на анализе фактуры этих монет и ряде сопоставлений, предполагает, что местом их чеканки была Гераклея Понтийская. Три первые монеты, таким образом, связаны своим происхождением именно с тем самым районом, который, по свидетельствам всех античных авторов, за исключением одного Страбона, был ареной деятельности Атея. Вторые две монеты, если В. А. Анохин прав в своем предположении, происходят из города, отстоящего от северных побережий Черного моря еще дальше, чем Каллатия. В обоих случаях нумизматический материал, следовательно, льет воду не на мельницу тех, кто видит в Атее главу северочерноморской державы с центром на Днепре⁸. К этому нужно еще прибавить, что донативный характер всех пяти монет не вызывает никаких сомнений, так что о существовании в Атевом царстве своей системы постоянного монетного обращения пока еще писать никто не решался.

В сущности говоря, концепция, утверждающая существование государства Атея с границами от «Меотиды до Истра»⁹, может найти себе непосредственную точку опоры только в кратком свидетельстве Страбона, не будь которого, сама мысль о власти этого царя над большинством северочерноморских «варваров» вообще не могла бы никому прийти в голову. При таких условиях дальнейшие исследования в области интересующей нас сейчас проблемы, очевидно, должны прежде всего свестись к проверке надежности свидетельства Страбона.

Если возможности проверки литературных свидетельств при помощи сопоставления их с данными, содержащимися в источниках других видов, оказались тут весьма ограниченными, то нельзя ли достигнуть той же цели, используя другие приемы? Нельзя ли путем сличения различных высказываний Страбона друг с другом, так сказать, путем сопоставлений не внешних, а внутренних, выяснить особенности его повествовательных приемов и словоупотребления, а может быть, даже составить ка-

⁴ См. В. А. Анохин, Монеты скифского царя Атея, сб. «Нумизматика и сфрагистика», II, Киев, 1965, стр. 4 сл.

⁵ А. Рогальский, Образъ на Артемида върху монети от Каллатис, «Известия на Варненското археологическо дружество», X, Варна, 1955, стр. 119 сл.

⁶ См. Анохин, Монеты скифского царя Атея, стр. 13 сл.

⁷ Совершенное недоумение вызывает следующее умозаключение Д. Б. Шелова: «Места находок монет Атея, к сожалению, неизвестны, но более чем вероятно обнаружение двух из них на территории нашей страны является косвенным подтверждением того факта, что власть этого царя распространялась и на Северное Причерноморье» (Царь Атей, стр. 21). Как понимать это «более чем вероятно»? Неужели Д. Б. Шелов всерьез может думать, что отсутствие сведений о месте находки монет может компенсироваться сведениями о месте проживания коллекционеров нашего времени, нумизматические собрания которых, подобно коллекциям филателистов, могут пополняться экспонатами из всех уголков мира!

⁸ Граков, Каменское городище на Днепре, стр. 22а; ср. Шелов, Царь Атей, стр. 21.

⁹ Наиболее полно эта концепция изложена Б. Н. Граковым в «Кратком очерке истории Скифии по данным письменных источников». См. Граков, Каменское городище на Днепре, стр. 9 сл.

кие-то представления о тех критериях, какими он руководствовался в своем труде, оценивая надежность попадавших в его руки сведений. Материала для таких сличений больше чем достаточно, так как труд Страбона, по сравнению с другими дошедшими до нашего времени памятниками античной литературы, принадлежит к числу наиболее объемистых. В то же время Страбон отнюдь не поражает нас богатством языка, разнообразием оборотов и приемов повествования. Географические описания его с вкрапленными в них мифологическими или историческими экскурсами и справками по форме своей чрезвычайно схожи.

Типичная для труда Страбона повторяемость приемов изложения в данном случае позволяет выявить одну небезынтересную особенность его сообщения об Атее, как правило, не встречающуюся в других его свидетельствах исторического содержания. Не может не обратить на себя внимания самый тон этого сообщения. Почему Страбон пишет о власти Атея над большинством северочерноморских «варваров» в тоне такой неуверенности? Почему он счел нужным в свою фразу о нем вставить выражение — *δοκεῖ* — «как кажется»? Ведь Страбону совсем не свойственна особая осторожность. Можно привести сколько угодно примеров его безоговорочных суждений по гораздо более важным для него и сложным вопросам. Так почему же обычная уверенность в данном случае ему изменила?

Ответ на этот вопрос следует, очевидно, искать и можно найти в некоторых особенностях труда Страбона, как труда откровенно компилятивного¹⁰. Страбон не скрывает от своих читателей того, что высказывает свои собственные суждения лишь тогда, когда это для него возможно, если же такой возможностью он не располагает, то передает мнения других, если же у этих других он не может найти то, что ему нужно, то обходится молчанием (VI, 3, 10). В другом случае (X, 3, 5) Страбон просит читателей извинить его за то, что он иногда допускает ошибки в сообщаемых им исторических фактах, и объясняет эти ошибки тем, что заимствует свои сведения у других писателей. Страбон постоянно сообщает имена этих писателей, пересказывает их мнения, приводит — иногда очень обширные — цитаты из их произведений. Во многих других, в глазах Страбона, очевидно, не столь важных, случаях, имена его осведомителей скрываются за такими безличными оборотами, как *νομίζονται*, *λέγεται*, *φασί*, *ιστορεῖται*.

Будучи явным компилятором, Страбон, однако, отнюдь не плагиатор. К почерпнутым у других авторов сведениям он, как правило, относится достаточно критически. Нередко Страбон сопоставляет их мнения или вступает с ними в открытую полемику (в интересующей нас связи, например, в VII, 3, 2 сл.). При всех этих условиях не так уж часто встречающиеся у Страбона выражения *δοκεῖ* или *δοκεῖ μοι* — «кажется», «как кажется», вне всяких сомнений, определяют его отношение к почерпнутым из различных источников сведениям. Притом не во всех случаях, а лишь в тех, когда эти сведения, с точки зрения Страбона, не настолько значительны, чтобы из-за них стоило пускаться в особые изыскания или вступать в полемику с теми, у кого они заимствованы, но в то же время они представляются ему по разным причинам и недостаточно надежными, не заслуживающими полного доверия.

Для того, чтобы в этом убедиться, нет необходимости пересматривать под соответствующим углом зрения всю «Географию» Страбона. Вполне достаточно ограничиться первыми восьмью книгами этого труда, в число которых входит и седьмая книга с интересующим нас свидетельством об Атее. В этих восьми первых книгах выражения *δοκεῖ*, *δοκεῖ μοι* встречаются девятнадцать раз. Собственно, восемнадцать, потому что в I, 2, 28 слово *δοκεῖ* приводится в цитате-пересказе мнения Эфора и, следовательно, выражает мнение не Страбона, а цитируемого им автора.

В каких же восемнадцати конкретных высказываниях Страбона встречаются эти слова, выражающие его сомнения, недостаточное доверие к сведениям, которые он сам сообщает своим читателям? Тут следует напомнить, что повествование Страбона по характеру содержания может быть подразделено на три вида: 1) географические опи-

¹⁰ См. М. И. Ростовцев, Страбон, как источник для истории Боспора, Харьков, 1914. Ср. W. Alu, Strabon von Amaseia, Bonn, 1957, стр. 396 сл., ср. 401 сл.

сания в собственном смысле этого слова; 2) мифологические экскурсы или справки (сюда относятся и упоминания Страбона о временах, может быть, и исторических, но незапамятных, полуполюгендарных); 3) экскурсы исторического содержания. Материал для этих последних сознательно заимствуется Страбоном преимущественно из трех эпох: современной ему эпохи, которую он характеризует как время владычества римлян и парфян — τῶν Ῥωμαίων ἐπικράτειᾳ καὶ τῶν Παρθύων (I, 2,1) — эпохи походов Александра Македонского; эпохи, связанной с деятельностью понтийского царя Митридата Евпатора. Такой выбор материала, по мнению Страбона, сформулированному им в вводной части труда (I, 2,28), основывается на том, что эти три эпохи в наибольшей мере способствовали расширению географических горизонтов.

И вот оказывается, что выражения *δοκεῖ*, *δοκεῖ μοι* больше всего используются Страбоном — в двенадцати случаях из восемнадцати — в мифологических экскурсах, толкованиях стихов Гомера или упоминаниях о временах незапамятных, легендарных: V, 2,5; V, 4,4; VI, 1,1; VI, 3,8; VII, 3,2; VII, 3,6; VII, 7,2; VIII, 3,5; VIII, 3,20; VIII, 3,32; VIII, 4,9; VIII, 6,9. Предположительный тон, осторожность в трактовке и толковании вопросов такого рода вполне понятны. Неуверенность Страбона во всех этих случаях оказывается обусловленной самим характером материала, с которым ему приходится иметь дело.

Остальные случаи использования слов, выражающих сомнения и неуверенность автора «Географии», распадаются следующим образом: два случая (VIII, 4,8 и VIII, 6,19) — при объяснении привычных сентенций; один случай (VIII, 3,30) — в характеристике и оценке статуи Зевса работы Фидия; один случай (VII, 5,9) — в географическом описании побережья Иллирии, в котором Страбон в осторожной форме выражает свое несогласие с Феономпом, преувеличившим длительность плавания вдоль этого побережья; один случай (VI, 1,12) — в рассуждении о спортивной славе жителей города Крогона; и всего один-единственный случай (VII, 3,18) — в историческом экскурсе, именно в свидетельстве о власти Атея над северочерноморскими «варварами». Во всех остальных своих исторических экскурсах — многочисленных и затрагивающих весьма широкий круг исторических событий — Страбон слов *δοκεῖ* и *δοκεῖ μοι* не употребляет и излагает их в тоне полной уверенности¹¹.

Экскурс об Атее, таким образом, представляет собой исключение и исключение редкое. И именно в этом своем кратком экскурсе, кстати сказать, связанном с хорошо известной Страбону эпохой возвышения Македонии и походов Александра, он использует словесные приемы, которые главным образом встречаются у него при упоминании о событиях и фактах, лишенных в его глазах всякой исторической достоверности. Уже это одно настораживает. Может ли свидетельство, выраженное в такой форме, послужить надежным, а по существу и единственным устоем для возводимого на нем широкого построения о времени образования первого по времени государства северочерноморских скифов с границами от «Меотиды до Истра»?!

К этому еще нужно прибавить, что именно в той же седьмой книге «Географии», к которой относится заметка об Атее, Страбон дважды (VII, 2,4 и VII, 3,4) упоминает об очень плохом знакомстве с описываемым в этой книге географическим районом, потому что, пишет он: «Мы не знаем, чтобы кто-либо из людей прежнего времени совершил плавание к восточным областям до устья Каспийского моря» (VII, 2,4). С такого рода откровенным признанием автора «Географии» при оценке степени надежности его свидетельств, касающихся именно этого района, конечно, тоже нельзя не считаться. Атей отделен от времени жизни Страбона больше чем тремя столетиями. От «людей прежнего времени» при таких условиях зависело многое. М. И. Ростовцев, автор до сих пор единственного исследования, специально посвященного Страбону, как источнику по Северному Причерноморью, категорически утверждает, что (вне за-

¹¹ Например: III, 4, 13; III, 5, 1; III, 5, 5; III, 5, 11; IV, 1, 5; IV, 2, 3; IV, 3, 2; IV, 3, 3; IV, 5, 3; IV, 6, 7; V, 3, 1; V, 3, 5; V, 3, 7; V, 3, 11; V, 4, 4; V, 4, 7; V, 4, 9; V, 4, 11; V, 4, 13; V, 1, 11; V, 2, 2; V, 2, 8; VII, 1, 3; VII, 1, 4; VII, 3, 11; VII, 3, 14; VII, 3, 17; VII, 4, 4; VII, 4, 7; VII, 5, 11; VIII, 6, 10; VIII, 6, 15.

зависимости от того, что Страбон был родом из Понта) в соответствующих частях «Географии» нет ни малейшего указания на то, чтобы Страбон был лично знаком с северным и восточным побережьями Черного моря. По наблюдениям М. И. Ростовцева, которые вряд ли могут быть оспорены, Страбон целиком заимствовал свои сведения об этих побережьях от других авторов¹². И, конечно, прежде всего именно от этих «людей прежнего времени», которые в данном случае, видимо, не могли многого ему дать; иначе он бы на них не жаловался.

Само собою напрашивается вопрос: почему, располагая лишь скудными информационными данными об этой стране и явно сомневаясь в достоверности своих сведений об Атее, Страбон, хотя бы и с оговоркой, но все же упомянул о власти этого царя над большинством местных «варваров»? Мы не знаем и, по всей вероятности, никогда и не узнаем, какими конкретными соображениями он при этом руководствовался, но некоторые основания для догадок о тех мотивах, какие побудили его это сделать, у нас все же есть.

Все в той же третьей главе седьмой книги «Географии» (VII, 3, 2—10) Страбон знакомит нас со своего рода «дискуссией» между Эфором, Посидонием и их единомышленниками, с одной стороны, и Эратосфеном, Аполлодором и их сторонниками, — с другой. Первые, руководствуясь соображениями философско-теоретическими, всячески идеализировали образ жизни и моральные качества коренных обитателей Северного Причерноморья, вторые придерживались прямо противоположного мнения. Верный своим воззрениям стоик¹³, Страбон, конечно, целиком принял сторону двух первых. Через весь его труд красной нитью проходит мысль о первенствующей роли моральных факторов и тлетворном влиянии цивилизации на мораль. Безнравственность у Страбона — всегда главная причина упадка, высокий же моральный уровень — могущества и процветания.

В этом отношении очень интересны рассуждения Страбона о Парфии. Парфян он ставит рядом с римлянами и современную ему эпоху, как уже упоминалось выше, определяет владычеством и тех и других. Почему же парфяне, государство которых, по преданию, было основано скифом Арсаком, достигли такого могущества, что оказались единственными соперниками римлян? «Причина этого, — отвечает Страбон, — их образ жизни и нравы, заключающие в себе много варварского и к и ф с к о г о, благоприятствующие их гегемонии и успеху в войнах» (XI, 9, 2)¹⁴.

Вот, оказывается, какое значение придавал Страбон, будучи современником, казалось бы, всемогущей Римской империи, скифскому образу жизни и обычаям. При этом не в оценке событий прошлого, а в определении исторической обстановки своего времени. Высокие моральные качества народа, не испорченного цивилизацией, по его взглядам, не могли не воплотиться в военные доблести и политическое могущество. Так думал не один Страбон. Идеализирующие скифов тенденции были присущи и многим другим античным авторам¹⁵, в частности и писавшему о том же Атее Помпею Трогу. Та же традиция была унаследована Оросием, Полиэном и Фронтинем. Сказалась она и у Плутарха и Клемента Александрийского, влагавших в уста Атея, вероятно, пользовавшегося популярностью сентенции. Создается впечатление, что все известные нам античные авторы, упоминавшие имя Атея, в большей или меньшей мере испытали на себе влияние воззрения, идеализировавшего исторический быт нецивилизованных народов.

По понятным причинам, обоснование такого рода взглядов, распространенных среди людей, пресытившихся плодами — иной раз весьма горькими — тогдашней цивилизации, носило по преимуществу теоретический характер. Но разве не понятно стрем-

¹² Ростовцев, Страбон, как источник для истории Боспора, стр. 4.

¹³ См. I, 2, 3, где Страбон причисляет себя к последователям Зенона. Ср. Г. А. Стратановский, Страбон. География, Л.—М., 1964, стр. 777, прим. 10.

¹⁴ ... αἰτίαι δ' ὁ βίος αὐτῶν τὰ ἔθη τὰ ἔχοντα πολὺ μὲν τὸ βάρβαρον καὶ τὸ Σκυθικόν, πλεόν μὲντοι τὸ χρήσιμον πρὸς ἡγεμονίαν καὶ τὴν ἐν τοῖς πολέμοις κατορθώσιν.

¹⁵ Д. Каллистов, Очерки по истории Северного Причерноморья античной эпохи, Л., 1949, стр. 81 сл.

ление приверженцев этих взглядов найти им и эмпирическое подтверждение? Где, как не в стране скифов, моральные силы этого народа должны были воплотиться в силы политические и привести к образованию мощного государства. Когда Страбон в ходе своей работы приступил к описанию северных побережий Черного моря, соблазн использовать это описание для подтверждения своих теоретических воззрений, видимо, для него был очень велик. Однако облечь свое суждение об Атее в безоговорочную форму он все же не решился. Как жаль, что нынешние сторонники концепции скифской державы не последовали его примеру и не проявили большей осторожности в своих суждениях о времени возникновения и характере первого скифского государства.

Д. П. Калустов

STRABO ON THE SCYTHIAN KING ATEAS

by D. P. Kallistov

The author analyses the passage in Strabo (VII, 3, 18) about the Scythian king Ateas. Not one of the other ancient writers says a word about this king ruling over the indigenous population of the North Black Sea coast. On the basis of archaeological and numismatic evidence it is impossible, in the author's opinion, either to confirm or to refute Strabo's assertion, which is therefore the sole testimony to the rise in the fourth century of a large Scythian state in the Black Sea area. It is worth noting that Strabo writes about Ateas with some uncertainty: *δοκεῖ* — «it seems». The relative poverty of his language and the compilatory character of his work make it possible to fix certain regularities in his use of words. In the first eight books of his «Geography» Strabo uses this or similar expressions of uncertainty nineteen times, including the passage about Ateas. Examination of all these instances inclines the author to the opinion that Strabo had no firm knowledge about Ateas and was in general rather poorly informed about the North Black Sea coast. Moreover his attitude to the Scythians has definite philosophical overtones of a tendentious character. The author concludes that Strabo's assertion about Ateas and his rule over the North Black Sea tribes is not to be relied upon; it is certainly too slight a foundation — and it is the only one there is — to support the broad conception of a big Scythian state on the North Black Sea coast in the fourth century B. C. The author believes that there is in fact no ground for this conception.

ПОНТИЙСКАЯ АНОНИМНАЯ МЕДЬ

(Хронология, классификация, характер чекана)

Крупные медные монеты нескольких типов, всегда имеющие на оборотной стороне восьмилучевую звезду, а на лицевой чаще всего изображение головы в кожаном шлеме или просто такого шлема, в литературе известны со времени Д. Сестини. Отсутствие на этих монетах названия города или имени правителя и необычный их тип делают весьма затруднительным определение места, времени и характера чекана монет. Но несомненно, и с этим кажется согласны все, — понтийская анонимная медь, как мы будем называть эти монеты, чеканена в позднеллинистический период в одной из припонтйских областей.

Специально к понтийской меди обратился Ф. Имхоф-Блумер¹, который рассмат-

¹ F. Imhof-Blumer, Griechische Münzen, München, 1890 (далее — Imhof-Blumer, Gr. Münz.), стр. 40 сл.; он же, Zur Münzkunde des Pontos, von Paphlagonien, Tenedos, Aiolis und Lesbos, ZfN, 1897 (далее — Imhof-Blumer, Münzkunde), стр. 254 сл.; он же, Die Kupferprägung des mithradatischen Reiches und andere Münzen des Pontos und Paphlagoniens, NZ, 1912 (далее — Imhof-Blumer, Kupferpr.), стр. 81 сл.

ривал ее как чекан наместников понтийского царя Митридата VI (120—63 гг. до н. э.) на Боспоре или в Колхиде. Такое мнение при слабой изученности в то время монет Северного Причерноморья находило известную поддержку в некоторой общности типов этих и боспорских монет и в находке в Керчи трех анонимных монет², боспорское происхождение которых допускал издатель. Иного взгляда придерживалась составительница сводной работы об анонимной меди А. Болдуин³, причислявшая эти монеты к чекану Митридата VI в Понте. В своей классификации А. Болдуин к первым выпускам относит оболы с изображением головы в кожаном шлеме. Это автоматически определяет время чекана всей анонимной меди периодом правления Митридата VI, поскольку эти монеты находят себе очевидную аналогию среди оболы Амиса и Синопы⁴ первых митридатовских выпусков⁵. Но точка зрения А. Болдуин была несколько поколеблена П. Кольбом⁶, сумевшим показать ошибочность некоторых моментов ее классификации монет, которые, согласно П. Кольбу, чеканились предшественниками Митридата VI — Митридатом IV или даже Митридатом III.

Ни одна из этих точек зрения не стала общепризнанной. Так, составители корпуса монет Малой Азии в первом издании (1904 г.) соответствующего тома (Rec.) не включили анонимные монеты в число понтийских, а во втором издании (1925 г.) они трактуются неопределенно как понтийские или боспорские. Но вместе с тем точку зрения Ф. Имхоф-Блумера полностью разделяют Э. Миннс и Г. Клайнер⁷. С другой стороны, концепция А. Болдуин, принятая в датской серии SNG⁸, во многом нашла поддержку у А. Н. Зографа⁹.

Таким образом становится очевидно, что не все вопросы, связанные с анонимной медью, можно считать решенными. Как мы увидим ниже, ее изучение не может быть сведено только к простой атрибуции группы монет.

1. ВРЕМЯ ВЫПУСКА

Определение времени чекана анонимных монет на первом этапе может быть сведено к вопросу — чеканилась ли эта монета при Митридате VI, или в более ранний период.

Время Митридата VI. Отнесение понтийской анонимной меди к этому периоду в какой-то мере получает поддержку только в трех моментах. 1. Указанная общность типов (голова человека в шлеме) анонимных оболы и оболы Амиса и Синопы 120—111 гг. до н. э. 2. Общность номиналов анонимной меди и городской меди времен Митридата VI. 3. Существование боспорских медных анонимных оболы явно митридатовского времени¹⁰, во многом родственных понтийской анонимной меди. Это и явление параллелизма в чекане Понта и Боспора при Митридате VI позволило А. Н. Зографу (АМ, стр. 186), допустить, что обе группы монет одновременны и их выпуск носил общий характер. По А. Н. Зографу, и те и другие чеканились наместниками или «доверенными лицами» царя специально для оплаты военных расходов,

² Chr. G i e l, *Kleine Beiträge zur antiken Numismatik Südrusslands*, М., 1886, стр. 4 слл.

³ A. Baldwin, *Les monnaies de bronze dites incertaines du Pont ou du royaume de Mithridate Eupator*, RN, 1913 (далее — Baldwin), стр. 284 слл.

⁴ E. Babelon, Th. Reinach, *Recueil général des monnaies Grecques d'Asie Mineure*, I, 1, P., 1904 (2-е ed., 1925, далее — Rec.), табл. VII, 6; XVI, 14; Imhof-Blumer, *Gr. Münz.*, табл. III, 1; Kupferpr., табл. I, 9 — 13.

⁵ Imhof-Blumer, *Kupferpr.*, стр. 171 слл.

⁶ P. Kolb, *Monnaies de bronze incertaines du Pont. Remarques sur l'article de Mlle Baldwin à propos de la découverte d'une monnaie nouvelle*, RN, 1926 (далее — Kolb), стр. 23 слл.

⁷ E. H. Minns, *Scythians and Greeks*, Cambr., 1913, стр. 287; ср. также B. V. Head, *Historia Numorum*², L., 1911, стр. 502; G. Kleiner, *Pontische Reichsmünzen*, «Istanbuler Mitteilungen», 6, 1955 (далее — Kleiner), стр. 10.

⁸ SNG, Dan. Serie, vol. *Bosporus — Bithynia*, Copenhagen, 1944.

⁹ А. Н. Зограф, *Античные монеты*, МИА № 46 (1951) (далее — АМ), стр. 186.

¹⁰ АМ, стр. 186; Ю. С. Рущко, *Монеты с монограммами из Патрэйского клада 1950 г.*, ВДИ, 1952, № 3, стр. 137 слл.; К. В. Голенько, *О характере чекана боспорских анонимных оболы*, НСФ., 2, 1965, стр. 41 сл.